

Глава 9. Свадебный пир

Проснувшись, я привёл себя в порядок и вышел из юрты. Прямо передо мной уже стоял Златовласый и, сияя бодростью, помахал мне рукой.

— Готов? — спросил я, подойдя к нему. Он стоял с пустыми руками, вид у него был донельзя расслабленный. — Какие у тебя планы на сегодня?

С этим человеком я определённо чувствовал себя свободнее, чем с профессором. Особенно после вчерашнего бегства, которое показало, что Златовласый — мужчина довольно покладистый и терпеливый.

— Проводить тебя под венец, — усмехнулся Лэнс. — От этой юрты до той, — он прочертил пальцем линию в воздухе. — А потом оставлю вас со Стариной Чэнем наслаждаться семейным счастьем.

Я хлопнул его по руке. Это был скорее рефлекс — в университете мы с друзьями часто так шутили. И только потом я сообразил, что мы с ним не так уж и близки, и, испугавшись, что собеседник может обидеться, искоса взглянул на него.

Но Златовласый не рассердился, а наоборот, громко рассмеялся.

— Да ладно тебе, чего стесняться, вы же почти женаты, — сказал он.

— Ещё слово, и я ухожу, — ответил я.

Он сделал вид, что застёгивает рот на молнию.

— Сегодня просто ритуал, особой опасности быть не должно, — Лэнс сменил тему. — Но ты будь начеку. Если услышишь, учуешь или увидишь что-то странное, сразу говори нам. Мы с профессором будем тебя охранять.

Я кивнул.

— А где профессор Чэнь? — спросил я.

Было видно, что спутнику не терпится отпустить ещё одну колкость, но он сдержался.

— Готовятся с другой стороны. Шаманка уже должна была прийти.

Не зная, чем себя занять, я просто стоял рядом, и мы обменялись парой незначительных фраз.

Златовласый держался совершенно спокойно, без малейших признаков напряжения, и я подумал, что у него, должно быть, есть какой-то план.

Около девяти утра меня позвали и велели переодеться в монгольский халат. Я никогда не носил такой одежды, и пока возился, пытаюсь разобраться, что к чему, Златовласый подошёл помочь. Он и сам переоделся в тёмно-синий наряд, который придавал ему весьма внушительный вид, вот только с золотистой шевелюрой он не очень-то сочетался.

— Готово, — сказал он, поправив на мне одежду и хлопнув по подолу. — Красиво.

Он был очень разговорчив. Не будь он так хорош собой, его болтовня наверняка бы многих раздражала.

Переодевшись, мы вернулись в ту юрту, что была приготовлена для ритуала. Перед входами в обе юрты разожгли костры. В этом жилище было немногочленно, и, судя по внешности и одежде, ни один из присутствующих не был похож на местного.

Я вспомнил, как Бату трепетно относился к этому ритуалу, но сегодня его здесь не было. Возможно, они по-прежнему опасались какой-то угрозы и решили не допускать посторонних.

Церемония началась около девяти утра. Вела её монгольская тётушка, которую они, видимо, наняли специально для этого. Первая часть была очень простой: она произносила длинную речь, а затем подавала мне какой-то предмет. Я сидел, брал его, поднимал над головой, держал несколько секунд и клал на поднос рядом.

Она подала мне три вещи: флакон с благовониями, блюдо с бараниной и две кости на тарелке.

Монголия — страна огромная, но свадебные обычаи одного народа не должны сильно отличаться. Я читал об их свадебных обрядах, и этот ритуал казался мне странным. На этом этапе свадьбы обычно поют песни и расчёсывают невесте волосы, а не проводят обряды, похожие на жертвоприношение.

После этой части она произнесла ещё одну речь, окропила мою голову водой и дала знак, что можно вставать. Златовласый помог мне подняться. Впереди трое мужчин на лошадях прокладывали путь, а мы вдвоём ехали за ними на машине.

Он вёл довольно уверенно. Расстояние между юртами было небольшим, и, подъехав ко второй, мы увидели у входа нескольких человек в монгольских нарядах. Перед этим жилищем тоже горел костёр. Та самая тётушка, приехавшая на машине, шла впереди, указывая мне путь, а я следовал за ней.

В костре горело что-то чёрное, кусками, и от него исходил густой растительный аромат, почти перебивавший запах степных трав.

В юрте стояло восемь или девять человек. Профессор Чэнь, одетый в халат чуть темнее, чем у Златовласого, стоял в центре. Рядом с ним, закрыв глаза и погрузившись в свои мысли, находилась пожилая шаманка в ритуальном облачении.

С первого взгляда я понял, почему ведущей церемонии пригласили ту тётушку — они были очень похожи, скорее всего, мать и дочь. Это означало, что все присутствующие так или иначе были посвящены в суть происходящего.

Этот ритуал ничем не напоминал свадьбу. Все участники были предельно серьёзны, в воздухе не было и намёка на радость. От этого и мне стало не по себе, во рту пересохло, и я несколько раз сглотнул.

Меня подвели к профессору. Тётушка налила нам по чаше кумыса и сделала мне какой-то знак.

— Пей, но не глотай, — сказал Старина Чэнь. — Нам нужно затянуть ритуал. Если проглотишь, всё закончится.

Я отпил немного кумыса. Напиток был белоснежным, удивительно ароматным, с лёгкой кислинкой и сладковатым послевкусием — очень приятный на вкус.

Профессор тоже отпил и не стал глотать. Увидев, что мы оба сделали глоток, шаманка велела поставить в центр юрты деревянный стол, заваленный травами, ритуальными предметами и прочей утварью. Она совершила несколько поклонов, пробормотала длинную речь, а затем взяла щепотку трав, положила в маленькую чёрную чашу и подожгла.

Когда травы ярко вспыхнули и над чашей за клубился дым, старуха с благоговением взяла деревянную маску и надела её.

Маска была чёрной, сделанной из какого-то дерева, с простыми прорезями для глаз. Она совсем не походила на те жуткие маски духов, которые я видел на картинках. Но когда она коснулась её лица, я почувствовал, как изменилось само течение воздуха в помещении.

До этого момента она была просто пожилой женщиной. Пусть и с налётом таинственности, но не более того — обычная старушка, которую можно встретить на улице. Но стоило ей надеть маску, как, несмотря на то что её тело осталось прежним, что-то внутри неё изменилось.

Она создавала иллюзию невероятной высоты. Её плечи и руки двигались, подражая очертаниям причудливой горы, вырастающей из-под земли, и она стала центром всеобщего внимания. Словно на натянутую плёнку положили тяжёлый шар, и все взгляды, следуя за ней, устремились в бездну.

«Контакт», — это слово внезапно всплыло в моей голове.

В тот миг она пересекла какую-то незримую грань и вошла в контакт с иным миром.

Тот мир словно накрывал наш, обычный, и стоило ненадолго туда попасть, как всё земное становилось мелким и незначительным, будто смотришь на планету из космоса — всё как на ладони.

Я услышал раскат грома. Кажется, собирался дождь.

Она взяла ритуальный колокольчик — дацилин — и, распевая заклинания, высоко подняла руки.

Она начала священный танец, доступный лишь шаманам.

Движения в подобных ритуалах часто очень широкие и резкие, с размашистыми взмахами рук и высокими прыжками. Со стороны такой танец может показаться странным или даже смешным, но, оказавшись там, я понял, что никакие картинки в интернете не передадут этой атмосферы.

На вид шаманке было не меньше восьмидесяти, но все её прыжки, падения и перекаты по земле были на удивление плавными и ловкими. Во многих её движениях угадывались повадки зверей.

В какой-то момент она легла на спину, а затем одним движением вскочила на ноги. Мне кажется, даже молодой человек с трудом бы это повторил, но она сделала это с невероятной лёгкостью, и дацилин в её руке почти не издал ни звука.

От этого становилось жутко: ты понимаешь, что перед тобой человек, но какие-то мельчайшие детали — движения, изгиб руки — на долю секунды заставляют усомниться в этом.

Все остальные, не отрываясь, следили за её танцем. Снаружи стемнело, в юрте тоже стало сумрачно. Дым от тлеющих трав не рассеивался, и шаманка, продолжая танцевать, подбрасывала в чашу всё новые и новые порции. Вскоре всё пространство наполнилось дымом, и её фигура стала едва различимой.

Я не решался оглядываться, боясь, как и вчера, увидеть что-то лишнее. Профессор не сводил глаз с танцующей, и я тоже смотрел только на неё.

Постепенно я начал замечать, что её движения не хаотичны. Она ступала очень осторожно. Сначала я слышал звук её шагов, но когда дым сгустился, она словно начала ступать по вате — шагов больше не было слышно.

«У меня возникло странное предположение: она от чего-то прячется».

Стоило мне об этом подумать, как каждое её движение обрело смысл. Она то распластывалась на земле, то взмывала вверх, словно на ветку дерева, то протискивалась в невидимую узкую щель... Звон дацзилина стих, шаги стали неслышны.

Я даже заметил явное движение, словно она наощупь пробиралась вперёд, будто и вправду ничего не видела.

Такую осторожность, такое исследование неведомого трудно подделать. Может быть, в этот момент она была не здесь, а пробиралась сквозь тьму в поисках чего-то?

До сегодняшнего дня, если бы мне кто-то сказал, что подобные ритуалы действительно позволяют общаться с духами, я бы только посмеялся. Я был абсолютным скептиком.

Но увидев всё это своими глазами, я понял, почему в деревнях до сих пор верят знахаркам. Ощущения были совершенно иными. Казалось, она и вправду может говорить с богами.

Шаманка танцевала ещё некоторое время, а затем внезапно резко и настороженно обернулась к выходу.

У меня всё внутри сжалось. Это был дурной знак.

И тут она начала бегать по свободному пространству перед столом.

Это произошло совершенно неожиданно, но в юрте по-прежнему царил тишина. Никто не проронил ни слова. Кумыс во рту уже согрелся. Я не знал, было ли это частью ритуала, и изо всех сил старался случайно не проглотить его.

Сначала шаманка бежала на двух ногах, но потом опустилась на четвереньки и, словно зверь, начала кружить вокруг алтаря. Она то и дело бросала взгляд на вход, и я тоже невольно стал туда поглядывать.

Но там ничего не было. Или же было то, что видела только она.

Вскоре старуха начала выдыхаться. Дым, казалось, мешал ей, не давая двигаться так же быстро, как раньше. Дацзилин, который до этого молчал, несколько раз тихо звякнул, и звук становился всё громче.

Она куда-то пробиралась, и её обнаружили.

Это было не представление. Язык её тела выдавал смертельное напряжение. Моё сердце тоже забило быстрее. Я смутно чувствовал, что если её поймут, добром это не кончится.

Не знаю, продолжала ли она подбрасывать травы, но дым вокруг алтаря становился всё гуще. Несколько её движений я не смог разглядеть, а в следующую секунду дацилин вылетел из её руки и упал на землю слева от меня.

Я чуть не вскочил с места от испуга, но профессор положил руку мне на бедро, заставляя сидеть спокойно. Я смутно разглядел, как шаманка схватила что-то со стола и сделала удар.

Раздался глухой звук бубна. Она всё ещё от чего-то скрывалась. Сначала удары были медленными, но потом их темп начал нарастать. Её тихое бормотание переросло в громкое пение — казалось, она больше не боится, что её услышит то, что таится во тьме.

Она била в бубен всё яростнее, с такой силой, что я боялся, как бы он не лопнул. Её глаза за маской стали неразличимы, и то странное чувство усилилось. Мне даже показалось, что в прорезях маски на мгновение сверкнул красный огонёк, какой бывает у диких зверей.

Шаманы поклоняются силам природы и духам животных. Вероятно, для ритуала она призвала в себя духа какого-то зверя. И сейчас этот дух сражался с тем, что было во тьме.

Рука Чэня всё это время лежала на моей, я от напряжения вцепился в свой халат. Враг, с которым столкнулась старуха, был очень силён. Её фигура металась в дыму, но движения становились всё медленнее. Несколько раз она замирала, словно что-то схватило её, но тут же вырывалась и продолжала двигаться.

Я, не отрываясь, следил за ней. И вдруг, так же внезапно, как и начала бег, она остановилась.

Она замерла недалеко от меня, её лицо всё ещё было скрыто в дыму. Бубен она подняла и вытянула перед собой на уровне груди.

Одна её рука лежала на мембране, другая поддерживала инструмент снизу. Этот старый, издававший виды предмет оказался прямо передо мной.

Её иссохшая ладонь раскрылась. В ней лежал клочок иссиня-чёрной шерсти.

Несколько секунд я недоумевал, что это значит, а потом шаманка ринулась из дыма прямо на меня.

На её плечах больше не было той маски. Вместо неё была величественная, иссиня-чёрная голова. Шесть кроваво-красных глаз равномерно располагались по бокам. Линии её морды были искажёнными, причудливыми, словно оживший карандашный набросок, который окунули в бездну, чтобы он впитал её густую черноту.

Глаза беспорядочно вращались. Вокруг трёх основных пар, словно кипящие пузыри, появлялись и исчезали десятки маленьких глазков. Каждая черта её облика была искажена, но

в то же время гармонична, словно именно такой она и должна была быть, чтобы править этой степью.

Её голова больше не была человеческой.

Это была лошадиная голова.

Она неслась на меня, издавая глухой рёв, и из её пасти высунулся чёрный змеиный язык, с которого капал тёмный яд.

Голова закружилась, всё перед глазами зарябило, как на экране сломанного телевизора. Меня чуть не вырвало. Я вскинул руку, пытаюсь защититься, и в этот момент кумыс, который я так долго держал во рту, хлынул мне в горло.

Всё произошло невероятно быстро. Дым внезапно рассеялся, словно потеряв опору. В центре стояла шаманка. Та сила, что поддерживала её, исчезла. Она снова стала просто старухой — дряхлой, сгорбленной, нуждающейся в помощи.

Она медленно, дрожащими руками, положила бубен на землю и выпрямилась.

— 25, 39, 01, 0237.

Внезапно произнесла она на чистом китайском.

Профессор не шелохнулся. Она ещё мгновение постояла на месте, а затем я увидел, как из-под её маски что-то капнуло. Раз, другой, а потом хлынуло на песчаный пол.

Это была кровь.

Только тогда Чэнь встал.

— Выведите её, — сказал он, и остальные зашевелились. — Получилось.

Они не выглядели как профессионалы, но, казалось, каждый знал, что делать. Стоило прозвучать команде, как одни бросились поддерживать старуху, другие — убирать стол.

Я сидел на месте, всё ещё не в силах прийти в себя. Профессор снова опустился на корточки и сжал моё плечо.

— Ты отлично справился, — сказал он, и в его голосе слышалось удовлетворение. — Мы получили самую важную информацию.

— С ней... с ней всё будет в порядке? — услышал я собственный голос.

Профессор на мгновение замер, а потом тихо усмехнулся.

— Линь, она призвала в себя Ма-шэня. Разумеется, это было опасно, — сказал он. — Но когда мы пришли к ней, она согласилась, не дослушав нас до конца. Думаю, у неё были на то и другие причины.

— Вы хотите сказать, что её контролировали какие-то духи? — спросил я.

— Гораздо хуже, — терпеливо ответил он. — Со временем ты поймёшь... Ничто не может управлять тобой, кроме судьбы.

Я ошеломлённо сидел на месте и смотрел, как уносят шаманку. Её маску уже сняли. Глаза были открыты, белки залиты кровью — видимо, лопнули все капилляры. На её старом лице застыла лёгкая улыбка — спокойная и радостная.

Её дочь стояла рядом, держа маску. Её лицо тоже было спокойным. Казалось, она была готова к такому исходу.

«Может быть, это и есть судьба? — подумал я. — Может, мы рождаемся с определённой целью? Словно строчка, записанная в личном деле, которую нам не дано прочесть. И поэтому мы не знаем, что нам делать. Большинство из нас».

Но некоторые находят способ заглянуть в него. Они узнают о своей миссии. И, возможно, ответ им не слишком нравится.

В тот момент я, кажется, что-то понял. Я ухватился за что-то неуловимое, но в то же время дающее опору. Все мы задаём вопросы, но ответы — это роскошь, доступная лишь немногим.

И эти немногие, возможно, сидели сейчас передо мной.

<http://bllate.org/book/13479/1664082>